

МОСКОВСКАЯ ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ

Наталья Михайлова,
заместитель директора
Государственного музея
им. А.С.Пушкина

**...мы все родные!
Мы дети матушки — Москвы!**
В.А. Пушкин

В 1806 году Николай Ростов из армии едет в Москву, домой, в отпуск. С ним едет товарищ его Василий Денисов.

«Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики! — думал Ростов, когда уже они записали свои отпуска на заставе и въехали в Москву»¹.

Л.Н. Толстой передаёт нам, читателям, нетерпение Ростова, которому кажется, что лошади не двигаются, который всем телом подаётся вперёд, «как будто он этим положением надеялся ускорить движение саней»².

Наконец, вот он, родной дом, где всё те же покривившиеся ступени, всё та же дверная ручка замка.

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 14 тт. Т.5. М., 1951. С. 5

² Там же.

В передней слуги встречают барина с волнением и восторгом.

После первого тревожного вопроса «Здоровы?», после успокоительного ответа «Все слава богу!» «Ростов, забыв совершенно о Денисове, не желая никому дать предупредить себя, скинул шубу и на цыпочках побежал в тёмную большую залу. Все то же — те же ломберные столы, та же люстра в чехле; но кто-то уж видел молодого барина, и не успел он добежать до гостиной, как что-то стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло и стало целовать его. Ещё другое, третье такое же существо выскочило из другой, третьей двери; ещё объятия, ещё поцелуи, ещё крики, слезы радости. Он не мог разобрать, где и кто папа, кто Наташа, кто Петя. Все кричали, говорили и целовали его в одно и то же время. Только матери не было в числе их — это он помнил.

«— А я-то не знал... Николушка... друг мой!

— Вот он... наш-то... Друг мой, Коля... Переменился! Нет свечей! Чаю!

— Да меня-то поцелуй!

— Душенька... а меня-то.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вера, старый граф обнимали его; и люди и горничные, наполнив комнаты, приговаривали и ахали.

Петя повис на его ногах.

— А меня-то! — кричал он.

Наташа, после того как она, пригнув его к себе, расцеловала всё его лицо, отскочила от него и, держась за полу его венгерки, прыгала, как коза, всё на одном месте и пронзительно визжала.

Со всех сторон были блестящие слезами радости, любящие глаза, со всех сторон были губы, искавшие поцелуя»³.

И кульминация сцены встречи Николая Ростова с любящей и любимой им семьей — появление его матери.

«Он <...> все ещё ждал и искал кого-то. Старая графиня ещё не выходила. И вот слышались шаги в дверях. Шаги такие быстрые, что это не могли быть шаги его матери.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 14 тт. Т.5. М., 1951. С. 7.

⁴ Там же.

ПУШКИНИАНА

Но это была она в новом, незнакомом ещё ему, сшитом без него платье. Все оставили его, и он побежал к ней. Когда они сошлись, она упала на его грудь рыдая. Она не могла поднять лица и только прижимала его к холодным шнуркам его венгерки. Денисов, никем не замеченный, войдя в комнату, стоял тут же и, глядя на них, тер себе глаза»⁴.

Мы, читатели, как и Денисов, становимся зрителями этой трогательной сцены, нас, как и Денисова, принимает в свой мир, полный любви, московская семья Ростовых, которых мы уже узнали и полюбили.

В 1806 году, к которому относится приведённая нами сцена из романа «Война и мир», Л.Н. Толстой, младший современник А.С. Пушкина, ещё не родился. В это время А.С. Пушкину было семь лет. Семьи, подобные Ростовым, были знакомы ему с детства. Установленный раз и навсегда домашний уклад, размеренная жизнь с повседневными заботами и семейными праздниками, гостеприимство и хлебосольство, общие для москвичей развлечения, балы и маскарады в Дворянском собрании, спектакли в императорском и домашних театрах, гулянья в Подновинском предместье, в Сокольниках, в Марьиной Роще, общие молитвы в московских храмах... Конечно, семья Пушкиных отличалась от других семей, быть может, прежде всего литературными интересами. В их доме бывали писатели и поэты Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.Н. Макаров, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, Ксавье де Местр, который был ещё и художником. Отец Александра Пушкина Сергей Львович сочинял французские стихи. Дядюшка Василий Львович Пушкин был известным стихотворцем (он был частым гостем в доме брата).

И ещё — хозяйственные дела не занимали родителей будущего поэта: в доме всегда чего-нибудь недоставало, рядом

с щегольским креслом мог стоять обитый рогожею стул. Трудно сказать, что было бы, если бы всем в семье не заправляла бабушка Мария Алексеевна Ганнибал. Но главное всё же — это был счастливый дом, где отец с матерью любили друг друга. Что же касается огорчений маленького Пушкина, то многое из них можно объяснить материнскими заботами Надежды Осиповны о том, чтобы её старший сын не был нескладным увальнем. А в остальном это была московская семья, которая жила открытым домом, участвовала во всех увеселениях московской жизни.

У москвичей не только радости, но и горести были общими. В 1812 году многие московские семейства бежали из пылающей Москвы в Нижний Новгород. Там оказались Архаровы, Бибиковы, Римские-Корсаковы, вероятно — С.Л. Пушкин с женой, детьми (кроме Александра, который в это время учился в Царскомесельском лицее) и бабушкой Марией Алексеевной, другие видные московские семьи.

В Нижний Новгород приехали Н.М. Карамзин, историк Н.Н. Бантыш-Каменский, его помощник по московскому архиву историк А.Ф. Малиновский, литератор С.Н. Глинка, поэт Ю.А. Нелединский-Мелецкий, К.Н. Батюшков.

В Нижнем Новгороде оказался и В.Л. Пушкин. Там он бедствовал, жил в избе, ходил по морозу без шубы, но не унывал и по-прежнему сочинял стихи. Там написал Василий Львович послание «К жителям Нижнего Новгорода»:

**Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!
Примите нас, мы все родные!
Мы дети матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Как быстрый вихрь промчались вы!**⁵

Когда Москва была освобождена, когда русские войска вошли в Париж, Василий Львович радовался победе России над наполеоновской Францией. Он вернулся в родной город.

Славная московская барыня Мария Ивановна Римская-Корсакова тоже вернулась из Нижнего Новгорода в Москву. Мать большой семьи (у неё было четыре сына и пять дочерей), пережившая семейную трагедию (в Бородинском сражении был убит сын Павел, умерла дочь Варенька), она всё же нашла в себе силы вместе с другими москвичами торжествовать победу над врагом. 14 мая 1814 года Мария Ивановна писала сыну Григорию: «Всевышний сжалился над своим творением и наконец этого злодея сверзил. У нас, хотя Москва и обгорела до костей, но мы на радости не унываем, а торествуем из последних копеек. В собрании был маскарад, члены давали деньги; купцы давали маскарад. Поздняков дал маскарад-театр. <...> А 18 будет славный праздник, где и твои сестрицы будут отличатся. Дворяне собрались, и каждый дал, что хотел, но не меньше 200 давали; собрали 25 тысяч»⁶. И дальше Мария Ивановна пишет о празднике (его по случаю плохой погоды перенесли на 19 мая), где будет театральное представление (пролог сочинил А.М. Пушкин, хоры — В.Л. Пушкин и П.А. Вяземский), не забывая сообщить, что для народа будут «качели, лубочная комедия, фейерверк, иллюминация»⁷.

Когда праздники миновали, снова обступали житейские заботы. Забот было много ещё и потому, что московские семьи были большими.

⁵ Пушкин Василий Львович. Стихотворения. Составление, комментарии, вступительная статья С.И. Панова. СПб., 2005. С. 155.

⁶ Цит. по: Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. М., 1989. С. 49.

⁷ Цит. по: Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. М., 1989.

**А все, дай бог им всем здоровья,
Плодилась добрая семья!⁸ —**

писал знакомый А.С. Пушкина московский поэт В.С. Филимонов. И родни в Москве всегда было много:

С Ордынки до Миус, от Лужников до
Всполя

**Все свояки да кумовья,
И степени различной братья,
Золовка, мачеха, сноха, невестка, сватья,
Тесть, свёкор, вотчим, шурин,
деверь, зять!
Легко б из сестр составить роту,
Из дядей полк на вербовать,
А тёткам — не было и счёту.
Бывало, в святки, на святой,
Москвич — молодчик, всем родной,
Послушный внук, племянник ловкий,
Ухватской четверни обломит все подковки,
Колёса обоьёт, исшмыжет полозки,
Когда обрыщет все родные уголки⁹.**

В Москве как нигде дорожили родственными связями, и об этом тоже с детства знал А.С. Пушкин. В.А. Соллогуб оставил в своих воспоминаниях замечательный портрет своей бабушки Екатерины Александровны Архаровой, урождённой Римской-Корсаковой. Он описал её «наивное добродушие и трогательную сердечность», «неизменность в убеждениях и привычках», которые были её «отличительной чертою».

И конечно же, не забыл рассказать о незыблемом для его бабушки культе родственных отношений:

«...Архарова своей родне и счёт потеряла. Бывало приедет из захолустья помещик и прямо к ней.

⁸ Филимонов В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...» Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В.С. Филимонова. М., 1988. С. 209.

⁹ Там же.

ПУШКИНИАНА

— Я к вам, матушка Катерина Александровна, с просьбой.

— Чем, батюшка, могу услужить? Мы с тобой не чужие. Твой дед был внучатым моему покойному Ивану Петровичу по первой его жене. Стало быть, свои. Чем могу тебе угодить?

— А вот что, Катерина Александровна. Детки подросли. Воспитание в губернии вы сами знаете какое. Вот я столько наслушался о ваших милостях, что деток с собой привез, авось Бог поможет пристроить в казённое заведение.

— На казённый счёт? — спрашивала бабушка.

— Конечно, хорошо бы. Урожай стали уж очень плохи.

— Родня, точно, родня, близкая родня, — шептала между тем бабушка. — Я и бабку твою помню, когда она была в девках. Они жили в Москве. Да скажи на милость, правду ли я слышала, будто Петруше Толстому пожалована Андреевская лента? А вот ещё вчера, кажется, он ползал по полу без штанов. Что ж, похлопотать можно. А там ты уж не беспокойся. Да вот что... приезжай на завтра откусать. Не побрезгай моей кулебяки... да деток с собой привези. Мы и познакомимся¹⁰.

**И вот: по родственным обедам
Развозят Таню каждый день
Представить бабушкам и дедам
Её рассеянную лень.
Родне прибывшей издалеча
Повсюду ласковая встреча,
И восклицанья, и хлеб-соль.
«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»**

¹⁰ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 384.

**А я так на руки брала!
А я так за уши драла!
А я так пряником кормила!»
И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»¹¹**

Возможно, когда А.С. Пушкин писал в московской главе романа «Евгений Онегин» о бабушках своей любимой героини Татьяны Лариной, он вспоминал сестру своей бабушки Ольги Васильевны Пушкиной, урождённой Чичериной, Варвару Васильевну Чичерину: в 1811 году, когда Александр уезжал из Москвы в Петербург поступать в Царскосельский лицей, она вместе с тетушкой Анной Львовной Пушкиной подарила ему 100 рублей на орехи.

Конечно же, А.С. Пушкин всегда помнил свою бабушку Марию Алексеевну Ганнибал, урождённую Пушкину. Она, по словам П.И. Бартенева, «любила вспоминать старину, и от неё Пушкин слышал семейных преданий, коими так дорожил впоследствии»¹².

**Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине**

писал А.С. Пушкин в незавершённой поэме «Езерский».

Пушкин, вернувшись из михайловской ссылки в Москву после пятнадцатилетней разлуки, как и Татьяна, не избежал родственных обедов. 8 сентября 1826 года из дворца московского Кремля, где состоялась его беседа с царём, он поспешил на Старую Басманную улицу, к дядюшке Василию Львови-

¹¹ Пушкин А.С. Полн.собр.соч. в 17 т.т. Т. VI. М.-Л., 1937. С.158. В последующем произведении А.С. Пушкина цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома римской, страницы арабской цифрами.

¹² Бартенев П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 56.

чу, да и потом не раз навещал его, бывал на его обедах — В.Л. Пушкин славился в Москве не только своей прекрасной библиотекой, но и искусным поваром. Родственные обеды не миновали автора «Евгения Онегина» и у другого дядюшки, почтенного камергера Матвея Михайловича Сонцова, женатого на сестре Василия Львовича, тетушке А.С. Пушкина Елизавете Львовне. Веневитиновы тоже были родственниками, поэт Д.В. Веневитинов приходился А.С. Пушкину четвероюродным братом. В доме Веневитиновых, что в Кривоколенном переулке, читал А.С. Пушкин трагедию «Борис Годунов».

И Трубецкие были с Пушкиным в родстве. У них — у князя Ивана Дмитриевича Трубецкого, троюродного брата Сергея Львовича Пушкина, и его жены Екатерины Александровны — А.С. Пушкин обедал не только в их московском доме на Покровке, но и на даче в Девичьем поле. И ещё — торжественный обед, который в честь А.С. Пушкина устроила у себя в доме М.И. Римская-Корсакова, ещё — встречи в домах друзей у Вяземских, у Нащокиных, визиты к княгине З.А. Волконской, Апраксиным, Ушаковым... Москва по-родственному встретила А.С. Пушкина, приняв его в свою большую семью.

Когда герой московской комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий возвращается из дальних странствий в Москву, общество встречает его враждебно. Автор комедии не скупится на сатирические краски: Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, Хлестова, Тугоуховский, супруги Горичи... — целая галерея сатирических портретов. В московской главе «Евгения Онегина» — нечто иное. Здесь есть и радость узнавания с детства знакомых Пушкину людей:

**Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тётушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец;**

Гости на балу у Фамусова.
Иллюстрация Л.Н. Кардовского
к поэме А.С. Грибоедова «Горе от ума»

Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжёт Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг мосьё? Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, всё клуба член исправный,
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьёт за двух.

Вспомним, как Николай Ростов, вернувшись в Москву в родной дом, с умилением видит те же предметы, те же вещи: те же покривившиеся ступени, та же дверная ручка замка, «за нечистоту которой сердилась графиня», те же ломберные столы, та же люстра в чехле. Когда А.С. Пушкин возвращается в Москву, он замечает не только всё тот же тюлевый чепец тетушки княжны Елены, он с радостью видит тех же людей: Любовь Петровна лжёт всё то же, её ложь никого не может обмануть; все знают о неизменной глупости Ивана Петровича, неизменной скупости Семёна Петровича.

Московская семья Петровичей всё та же. Но в московской главе «Евгения Онегина» есть и князь Петр Андреевич Вяземский, один из самых блестящих умов России, занявший разговором Татьяну у её скучной тетки, и «архивны юноши» — цвет московской дворянской молодёжи, служившей в Московском архиве Коллегии иностранных дел, и московские красавицы, которыми восхищается автор стихотворного романа.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» А.С. Пушкин писал:
«Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками...»

**Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами...**

так писал А.С. Пушкин в стихотворении «Всеволожскому». «В Москве ведь нет невестам перевода», — отметил А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума». Невесты, сватовство, свадьбы — об этом сообщали, это обсуждали и в разговорах, и в письмах. В.Л. Пушкин в своих письмах — своеобразной хронике московской жизни — также не обходит своим вниманием эту животрепещущую для москвичей тему:

«В Москве, говорят, две свадьбы. Молодая графиня Мамонова идёт замуж за Анрепа, флигель-адъютанта Государя Императора. Старая Свиньина за графа Ланжерона. Ей нужен полный генерал,

а Ланжерону нужен полный сундук»¹³.
(22 мая, 1818 года.)

«Княгиня София Борисовна Голицына идёт замуж за Константина Полторацкого. Толстая, дочь Толстой Степаниды, сговорена за генерал-адъютанта Закревского и на этих днях получила вензель. Батюшка её назначил будущим новобрачным сто тысяч годового дохода. Закревский по-французски не говорит, и Фёдор Андреевич утверждает, что такой зять ему был и надобен...»¹⁴. (8 июня 1818 года.)

«Приятная и, верно, тебе известная новость есть та, что кн. Софья Фёдоровна идёт замуж за Лодомирского. Он умён и богат...»
(1 июля 1818 года.)

«Денис Давыдов женится на Чирковой. Она мила — и у неё 1000 душ». (14 февраля 1819 года.)

«Фрейлина Корсакова идёт за гусарского полковника Акинфьева. Молодой Апраксин женится на Фокке Толстой. Свадьба будет в Ольгове, нынешним летом в июне или июле месяце». (16 марта 1819 года.)

«Обер-полицмейстер Шульгин идёт в отставку. Сказывают, что на его месте будет князь Хилков, генерал-майор, который женится на Елизавете Семёновне Обресковой». (10 апреля 1819 года.)

«Сегодня — свадьба Корсаковой. Приданое сказывают, чрезвычайное: две кровати, нарядная и простая — нарядная голубая с серебром, простая из батиста д'Екос, шитая бумагою, двадцать семь шлафроков, шитых

¹³ Цит. по: Михайлова Н.И. Грибоедовская Москва в творчестве В.Л. Пушкина // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск. 1994. С. 98.

¹⁴ Цит. по: Пушкин Василий. Стихи. Проза. Письма / Составление, вступительная статья и примечание Н.И. Михайловой. М., 1989. С. 229. В последующем письме В.Л. Пушкина цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках страницы арабской цифрой.

с кружевами, тридцать шляп разного рода, куча шалей, часов, чулок и пр. и пр. В прошедшее воскресенье всё это было разложено, и гостей любопытных было множество, но я в том числе не был». (21 апреля 1819 года.)

Некоторые свадьбы были поводом к злословию, некоторые — к сочувствию:

«Дарья Николаевна Лопухина, племянница или внучка кн. Потёмкина, вышла замуж за учителя детей своих Опермана и принесла ему 14 000 душ. Доктора Лодер и Шминц принуждены были Оперману уступить место, которое они довольно времени занимали. Оперману лет за 50, а Лопухиной под 50. Теперь можно вспомнить о пословице: седина в бороду, а бес в ребро». (23 сентября 1820 года.)

«На этих днях Александра Сергеевна Щукина, сестра оставленной Ивановой и племянница кн. Мосальского, бежала из дому дяди своего, Дмитрия Фёдоровича Щукина, с холопом генерала Лантева и, сказывают, вышла за него замуж. По сие время беглецов не отыскали. Я думаю, что ты знаком был с нею. Она мне всегда казалась умною и любезною девушкою. Нынче на холопей честь и им жить раздолье! Эта безумная оставила родным письмо, в котором просит, чтоб они почитали её мертвою, что она бежала с человеком низкой породы, но души благородной и высокой и пр. и пр...»
(8 мая 1819 года.)

А как обсуждали женитьбу Фёдора Ивановича Толстого-Американца на цыганке!

А как сплетничали по поводу свадьбы А.С. Пушкина!

Судьба первого поэта России, как и судьба его героини, юной провинциалки Татьяны Лариной, была решена в Москве. На московской ярмарке невест, на балу, в зале Благородного собрания Татьяну заметил генерал. Она вышла за него

замуж и стала княгиней. На московском балу у танцмейстера Иогеля зимой 1828 года А.С. Пушкин был очарован Натальей Гончаровой, шестнадцатилетней красавицей в белом платье с золотым обручем в волосах.

18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения состоялось венчание А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой. После венчания А.С. Пушкин привёз молодую жену в снятую им квартиру в доме Хитрово на Арбате. В московском доме начиналась счастливая семейная жизнь поэта. 24 февраля А.С. Пушкин пишет письмо П.А. Плетнёву: «Я женат и счастлив; одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился».

Конечно, Наталья Николаевна — из другой семьи, не похожей на семью родителей А.С. Пушкина: её мать — женщина властная, деспотичная, её отец — душевно больной человек; детство жены А.С. Пушкина, как и её братьев и сестёр, трудно назвать безоблачным. Ещё будучи женихом, А.С. Пушкин столкнулся с будущей тёщей, которая не раз откладывала свадьбу, требовала денег, а потом уже после свадьбы пыталась поссорить дочь с мужем.

Но всё это, разумеется, не отменяло почти-тельного отношения к новой родне. Вскоре после венчания 24 февраля А.С. Пушкин пишет письмо дедушке Натальи Николаевны А.Н. Гончарову в имение Гончаровых Полотняный Завод Калужской губернии:

«Милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастье моём и поручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внучки Вашей, Натальи Николаевны».

А.С. Пушкин просил Афанасия Николаевича не тревожиться на счёт приданого, писал о том, что не сможет заняться продажей бронзовой статуи Екатерины II (А.Н. Гончаров хотел таким образом поправить своё материальное положение) и заканчивал своё письмо так:

«С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностью имею счастье быть, милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугой и внуком
Александр Пушкин».

Наталья Николаевна сделала к этому письму трогательную приписку, уверяя «любезного дедушку» в «преданности, любви и почтении».

Первые счастливые месяцы семейной жизни закончились в мае 1831 года: Пушкины переехали из Москвы в Петербург. Одной из причин тому было вмешательство тёщи в их семейную жизнь. В Петербурге родились дети А.С. Пушкина — Саша, Маша, Гриша, Наташа. А.С. Пушкин был любящим мужем и заботливым отцом: он любил детей, беспокоился о их будущем. Почтительный любящий сын, он занимался расстроенным имением родителей, ухаживал за больной матерью, проводил её в последний путь. А.С. Пушкин оплачивал долги своего беспутного брата Лёвушки, помогал сестре Ольге, муж которой неоднократно просил у него денег. И новые родственники со стороны жены не были обойдены его вниманием. Достаточно сказать хотя бы о том, что он согласился поселить в своём петербургском доме сестёр Натальи Николаевны Екатерину и Александрину — предполагалось, что в столице они смогут устроить свою судьбу.

27 января 1837 года в Петербурге А.С. Пушкин стрелялся на дуэли с Дантесом и был смертельно ранен. 29 января его не стало. А.С. Пушкин умер, защищая честь своей жены, своей семьи, своего имени, которое принадлежало не только ему, но и всей России. Весть о трагической гибели поэта донеслась до Москвы, и это известие стало причиной того, что в воспоминаниях мемуаристки Е.П. Янковой появились страницы, посвящённые

семье Пушкиных: «В 1837 году, когда в феврале месяце пришло в Москву печальное известие о печальной кончине славного сочинителя Пушкина, я тут припомнила о моём знакомстве с его бабушкой и со всею его семьей»¹⁵.

Е.П. Янькова сохранила в памяти бесценные для нас подробности, связанные с детством А.С. Пушкина, оставила нам мастерски написанные литературные портреты его бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, «очень умной, дельной и рассудительной женщины», и его самого — большого увальня и дикаря, кудрявого мальчика лет девяти или десяти, со смуглым личиком, <...> с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались». Остаётся изумляться не только памяти Е.П. Яньковой, но и точности данных ею характеристик, выразительности её языка. Впрочем, о мемуарах Е.П. Яньковой, о ней самой и о её семействе следует говорить особо.

Елизавета Петровна Янькова, урождённая Римская-Корсакова, правнучка знаменитого историка В.Н. Татищева, родилась в 1764 году, умерла в 1861 на 97-м году жизни. Она гордилась своим 500-летним дворянством, помнила множество семейных преданий, уходящих в глубь веков. Не будучи литератором, Е.П. Янькова, несомненно, была одарена незаурядным литературным талантом — её наблюдательность, мастерское владение словом, остроумие вызывают восхищение. Мемуары бабушки Е.П. Яньковой, записанные её внуком Дмитрием Дмитриевичем Благово, — замечательный литературный памятник, своеобразная энциклопедия дворянской жизни, и прежде всего жизни московского дворянства во всех её исторических и бытовых подробностях, ценнейший исторический источник и вместе с тем увлекательнейшая

¹⁵ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. Издание подготовила Т.Н. Орнатская. Л. 1989. С. 338.

книга для чтения, интересная всем, кто стремится узнать как можно больше об истории и культуре нашего Отечества. Но вряд ли рассказы бабушки могли бы стать своего рода бестселлером мемуаристики XIX

века, если бы не личность мемуаристки — прямого, честного и доброго человека, твёрдого в вере, в своих нравственных принципах и убеждениях. Когда, читая «Рассказы бабушки», познакомишься

с ней самой, невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина:

**Самостоянье человека
Залог величия его.**

В мемуарах Е.П. Яньковой особое место занимает семейная, родственная тема, и это не случайно. Бабушка Д.Д. Благово, как и бабушка В.А. Соллогуба, дорожила родственными связями:

«...в наше время, пока можно счестся родством — родня, а ежели дальнее очень родство, всё-таки не чужие, а свои люди — в свойстве.

От знакомства и от дружбы можно отказаться, а от родства, как ты не вертись, признавай не признавай, а отказаться нельзя: всё-таки родня. Покойник Обольянинов правду говаривал: «Кто своего родства не уважает, тот себя самого унижает, а кто родных своих стыдится, тот чрез это сам срамится».

В «Рассказах бабушки» представлены многие московские семейства, в числе

которых и семья Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, «премилой и преобходительной женщины», которая «имела очень хорошее, большое состояние и получала немало доходов, да только уж очень размашисто жила и потому была всегда в долгу и у каретника, и у того, и у сего»; и семья Анны Васильевны Титовой, которая «после двадцатилетнего упрямства решилась наконец дать согласие на замужество дочери своей Надежды Васильевны с Павлом Михайловичем Балк», и семья Голицыных, «трепетавшая» перед княгиней Натальей Петровной, «женщины от природы очень умной», «великой мастерицы устраивать свои дела», которая «до конца жизни детей своих называла уменьшительными именами: Апраксину — Катенькой, а Катеньке было далеко за шестьдесят лет; сын был для неё всё Митенькой»; и семья князя Николая Борисовича Юсупова, который «был очень по своему времени образованный человек», «был весьма богат, любил роскошь, умел блеснуть когда нужно», правда, с женой Татьяной Васильевной, урожденной Энгельгард, от которой имел сына, не очень ладил, жил с ней в разъезде: в Москве «все его очень уважали; за обходительность он был любим, и если бы он не был чересчур женолюбив, то можно было бы сказать, что он был истинно во всех отношениях примерный и добродетельный человек, но эта слабость ему много вредила во всеобщем мнении».

В центре повествования — история семьи самой Елизаветы Петровны: рассказ о её замужестве, рождении детей (у нее было шесть дочерей и один сын), крестинах, свадьбах, домашних хлопотах и заботах по имению, испытаниях в годы всеобщих бедствий, в годы войны с Наполеоном и холеры, о событиях радостных и печальных.

История замужества Елизаветы Петровны трогательна и вместе с тем по-своему поучительна. Четыре раза Дмитрий Александрович Яньков сватался к ней и наконец получил согласие на брак:

«Дмитрий Александрович поцеловал руку у батюшки и у меня; батюшка нас обоих обнял, был очень растроган и заплакал; глядя на него, заплакали и мы оба, его обняли и поце-

ловали руку. Потом батюшка говорит, смеясь и обняв Янькова:

— Вот экой какой упрямец, четвертый раз сватается и добился-таки своего!

— Ну, Елизавета, верно, было тебе написано на роду, что тебе быть за Яньковым... Поди объяви сестрам, что я тебя просватал, и позови их сюда, мы помолимся.

Я побежала к сестрам и объявила им новинку, что я невеста; все меня целовали, поздравляли, и мы пошли вместе в гостиную. Батюшка стал пред образом лицом на восход и потом взял мою руку и передал Дмитрию Александровичу.

— Вот, друг мой, — сказал он, — отдаю тебе руку моей дочери, люби её, жалуй, береги и в обиду не давай; её счастье от тебя теперь зависит. — А мне батюшка примолвил: — А тебе, Елизавета, скажу одно: чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что он глава в доме, а не ты, и во всём его слушайся».

Мемуары бабушки дают представление о том, как воспитывались дети в семье Яньковых. Получая домашнее образование, они всегда были заняты делом — учили уроки, рисовали, играли на клави-кордах: «...статочное ли дело, день-деньской ничего не делать и сидеть или у окна, или шляться из угла в угол без всякой работы...»

Известно, что в доме была хорошая библиотека. Что же касается умения вести себя в обществе, то это во многом зависело от родителей: Елизавета Петровна сама на всю жизнь запомнила урок, преподанный ей в детстве батюшкою, — когда дети стали смеяться над одним из его гостей, он строго на них взглянул, а потом объяснил, что нельзя над гостями, а тем более над стариками смеяться. Елизавета Петровна стремилась уберечь своих детей от всего

дурного. Так, побывав у соседей своих Бершовых, услышав как хозяйка бранит дворовых девчонок, обзывая их мерзавками, холопками, пакостницами, она заметила:

«Что ты, матушка, как их нехорошо бранишь, — говорю я ей, — и в особенности при детях...

— Ах, матушка, — говорит Бершова, — чего на них глядеть-то, разве это люди, что ль, — тварь, просто сволочь... ведь это я любя их...

А добрая была женщина, да уж очень дубовата; бывало такие слова употребляет при моих детях, что иногда от стыда сгоришь. Я всё её останавливала и оговаривала, того и гляжу, что мои девочки подцепят какое-нибудь у ней словцо, срам будет... Потом она стала при мне остерегаться, перестала говорить бранные слова».

Главное же, дети воспитывались в вере и милосердии, в сознании того, что надобно стремиться делать добро. Об этом свидетельствует, в частности, и дневник дочери Елизаветы Петровны — Аграфены Дмитриевны. В 1830 году во время эпидемии холеры она выписала такие слова из речи Митрополита Филарета, произнесённой 21 сентября в Успенском соборе:

«Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние <...> Исторгнем из сердец наших корень наших зол — сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь <...>, облачимся если не во вретнице, то в простоту <...> Прерзим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра...»¹⁶

Е.П. Янькова не оставляла своими благотельными советами не только детей,

¹⁶ Цит. по: Орнатская Т.Н. Рассказы Е.П. Яньковой, записанные Д.Д. Благово // В кн. «Рассказы бабушки». Л., 1989. С. 359.

но и других родственников. Когда её племянник князь Александр Вяземский выиграл двадцать тысяч в карты, она не преминула ему заметить: «...выигрыш и проигрыш, по пословице, на одном коне ездят... Сохрани тебя Бог от беды, карты до добра не доведут...» Елизавета Петровна от души радовалась обращению в христианскую веру князя Владимира Михайловича Волконского, который, «начитавшись смолоду Вольтера и Дидерота, <...> ни во что святое не веровал...»

Повседневные семейные заботы Елизаветы Петровны всегда были пронизаны любовью. Вот как вспоминала она о том, как готовилась к первому выходу в свет дочерей своих:

«В 1814 году мы решили с Дмитрием Александровичем, что пора вывозить дочерей. Грушеньке был двадцатый год; если бы не нашествие неприятеля, может быть, я вывезла бы её и прежде, но французы помешали; а тут и Линочке пошёл уже восемнадцатый год, и я вывезла обеих вместе. И той и другой я сделала одинаковые платья, белые креповые, с белыми цветами на корсаже и на голове. Степан Степанович Апраксин, который был к нам очень расположен, непременно желал взглянуть на платья моих дочерей, нарочно приехал дня за два до их выезда в Собрание; зажгли множество свеч, и он смотрел на платья и ими любовался». Здесь в Е.П. Яньковой угадывается Долли Облонская, героиня романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», Долли, заботливая мать, любующаяся своими детьми.

Конечно, в воспоминаниях бабушки не могли не сказаться и её сословные предрассудки. Когда граф Фёдор Петрович Толстой посватался за дочь Грушеньку, ему отказали: «Где он служил сперва, я не знаю; но в то время он был, кажется, в отставке и всё что-то такое рисовал и лепил. Мы считали его за пустого человека, который

Ф.П. Толстой. Семейный портрет. 1830 г.
Государственный Русский музей

бьёт баклуши; состояние имел самое маленькое, и, когда чрез Жукова он выведывал, отдадим ли мы за него нашу старшую дочь, которая ему нравилась, мы отклонили его предложение и не дали хода этому делу». Впрочем, надо отдать должное Елизавете Петровне: она умела признавать свои ошибки:

«И кто же был потом этот по-видимому пустой человек? Один из самых известных людей, с большими дарованиями, который сделал себе очень громкое имя как замечательный художник; он был потом вице-президентом Академии художеств и тайным советником. <...> Он Грушеньке нравился, и, конечно, она пошла бы за него, да только нам он не приходился по мысли: очень часто ошибаешься в людях, и те, которых мы считаем людьми ничтожными, выходят потом очень достойные и дельные люди, если обстоятельства им благоприятствуют, и наоборот».

В июньский день 2008 года я вместе с моими коллегами по Государственному музею А.С. Пушкина вхожу в московский дом, в квартиру, из окон которой виден Новодевичий монастырь. Нас встречают Владимир Александрович и Вера Константиновна Журавлёвы.

С Верой Константиновной я познакомилась год назад, через отдаленного родственника Благово Никиту Владимировича Благово. С его помощью музей получил от Веры Константиновны многие годы хранящиеся в семье портреты замечательного дворянского клана Татищевых—Римских-Корсаковых—Яньковых—Благово. Кажется, и не прошло трёх веков: всё то же московское радушие, гостеприимство, хлебосольство. С особым волнением вглядываюсь в живописный портрет на стене: вот она, Елизавета Петровна Янькова, знаменитая бабушка. Я смотрю на её прапраправнучку Веру Константиновну: те же черты милого лица, тот же умный, доброжелательный взгляд...

Но вернёмся к рассказам бабушки Е.П. Яньковой. Конечно, не всё всегда было благополучно в московских семьях, и об этом тоже сказано в воспоминаниях Елизаветы Петровны. Но для нас сегодня важен прежде всего тот опыт жизнестроения, который за многие столетия накопила московская дворянская семья, те духовные ценности, которые сумела она сохранить. Быть может, нам нужно прислушаться к П.А. Вяземскому, автору очерка «Московское семейство старого быта». Рассказав о семействе Оболенских, он заканчивает свой рассказ так: «Если не признавать семейного авторитета и дома не приучаться уважать его, едва ли будем мы позднее способны признавать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему <...>. Не худо иногда сравнивать настоящее время с минувшим и проверять себя, то есть человека. При этом всё хорошее, добытое новыми поколениями, при них и останется; никто и ничто не может посягнуть на него. Но при сравнении, при проверке если что-нибудь окажется не совсем удавшимся, если окажется где-нибудь пробел, то почему не позаимствовать у минувшего то, что не сокрушит, не изменит, не ослабит настоящего, а, напротив, может служить ему опорой и целебной силою?»¹⁷.

¹⁷ Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // П.А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 374–375.